

ТАЙНА ДОКТОРА ЛИХТЕНШТЕЙНА

Доктор Лихтенштейн появился в Лунинце в начале 1940 года. Он был среди евреев-переселенцев, высланных из Польши немецкими властями в СССР и доставленных эшелонам в наш город. Советские власти Лунинца предоставили хирургу из Варшавы работу в городской больнице. Вскоре новый врач завревал уважение и признание как среди коллег в больнице, так и у населения города. О нем говорили как об умелом, отзывчивом и знающем докторе широкого профиля, который помог многим больным, прекрасно делал сложные операции. Поселился он с женой недалеко от тогдашней хирургии на Залесье, в доме Литоровича, расположенном в глубине сада. Вместе с доктором в Лунинец приехали две медсестры-ассистентки. Одна молодая, другая — пожилая с сыном лет 14-15 (они поселились в том же доме; кстаги, тут и в последующие годы постоянно жили врачи; после войны, в частности, — хирург Ашельрод).

Когда началась война, доктор не успел (вернее не смог, как и большинство жителей города) эвакуироваться. В первые дни оккупации Лихтенштейн, как и все евреи Лунинца, обязан был носить на груди желтую шестиконечную звезду Давида. Продолжал работать в городской больнице, как и две его ассистентки.

Немецкие военные власти видели в докторе большого специалиста и старались извлечь из его знаний и врачебной практики пользу для себя. Видимо, из этих соображений Лихтенштейн не попал в облаву и избежал расстрела у озера Мочуло, где были убиты почти все мужчины-евреи города, а после создания гетто ему, а затем и его ближайшей помощнице-медсестре было разрешено не переселяться за колючую проволоку. Другая ассистентка была поселена в гетто, при его ликвидации спряталась, но, обнаруженная полицией, расстреляна (см. «Убийство» — N99 «ЛН» за 1997 г.)

Многие из немцев: и военные, и гражданские, лечились у Лихтенштейна, невзирая на его происхождение. Его постоянно возили в госпиталь на консультации и сложные операции.

*Помнік каля
возера Белага —
у памяць
аб знішчанай
фашыстамі
вёсцы
Белае Возера
і загінуўшых
партызанах,
пахаваных
паблізу
паселішча...*

же иногда весь день присутствовал на территории больницы. Это, видимо, насторожило кого-то. Где-то и кто-то начал беспокоиться за жизнь варшавского врача. Ведь рано или поздно его постигла бы участь узников гетто. И был отдан приказ о спасении доктора Лихтенштейна. Кем — сегодня еще не известно. Известно только, кому .

Когда в сентябре 1939 года в результате гитлеровской агрессии польское государство перестало

быть представителем правительства Польши (лондонского — Л.К.) в восточной части Полесского воеводства».

Владислав Чая — поручик 84-го пехотного полка Полесских стрелков. В «Полесских воеводских ведомостях» за 1935 год я нашел сообщение, что в мае этого года он купил у Марины Жук земельный участок площадью более 1645 м² (совладельцы участка Зиновики, родственники ко-

ждали дня побега. Продуктами беглецов обеспечил отец.

Из города ушли ночью. От дома на Залесье, где жил Лихтенштейн, всю группу — доктора с женой и медсестру с сыном — до леса провел огородами кто-то из членов организации, далее — проводник-полицейский, житель Бохонва. Группа направлялась в сторону Лахвы.

Неожиданно за городом на опушке леса к группе присоединился Владимир Булко (его брат Николай из политических соображений в середине 30-х годов перешел польско-советскую границу и остался в СССР. В конце 30-х был арестован органами НКВД, обвинен в шпионаже в пользу Польши и расстрелян. После войны семейство Булко выехало в Польшу).

Личность В.Булко в городе была хорошо известна. Про таких в народе говорят — без царя в голове. Володька, так его называли горожане, не причинял людям зла. Он любил общество, быть в центре внимания (как ему казалось), много обо всем говорить и при этом всегда громко, жестикулируя руками и не обращая внимания — слушают его или нет.

Встретив людей, он тут же решил присоединиться к ним и начал какой-то разговор. Попытки отделаться от Володьки были безуспешными. Впереди был Лахвенский переезд, который охраняли полиция и солдатами специального железнодорожного батальона (это недалеко от нынешнего православного кладбища). Привлеченные громким разговором, охранники ждали идуших, и как только те вышли к переезду, встретили их автоматным огнем. На месте были убиты медсестра, ее сын и Владимир Булко. Они шли первыми. Полицейский-проводник и доктор с женой были несколько в стороне и сзади. Услышав выстрелы и крики, проводник повел доктора обратно в город, в дом Бандацкой. Она же сразу отвела беглецов к жителю Залесья — Малиновскому (до 1939 года был владельцем буфета на лунинецком вокзале). Тот спрятал семью на погребе (раньше во многих лунинецких дворах были сооружены погреба, которые имели что-то вроде на-

прихождении. Иногда постоянно возили в госпиталь на консультации и сложные операции. Он оказывал медицинскую помощь многим раненым офицерам и солдатам немецкой армии.

В книге "Память. Лунинецкий район" сказано, что военный госпиталь в Лунинце немецкими властями был открыт в 1943 году (стр.322). Это не совсем так. Уже в июле-августе 1941 года часть здания нынешней музыкальной школы была отдана под военный госпиталь. В части здания (центральный вход) находилась немецкая военная администрация, здесь, слева от входа, на флагштоке постоянно развевалось фашистское знамя со свастики. Госпиталь же размещался в ныне не существующей части здания с отдельным входом — она была полностью разрушена во время бомбежки города советской авиацией в 1944 году и после войны не восстановлена. В 1943 году госпиталь занял все здание, т.к. увеличился поток раненых с фронтов.

Берею Лихтенштейну выражал свою благодарность за лечение сам военный комендант города Эрих фон Кульке (проживал в доме врача Гурвича — угол нынешних улиц Советская и 50 лет Октября; теперь здесь библиотечный коллектор). Герр гауптман был уже человеком немолодым, и его одолевал ревматизм (или люмбаго). Лечились у доктора и другие лица из окружения коменданта. Часто в больницу приезжали лимузины немецких чиновников, чтобы отвезти Лихтенштейна к больному.

Доктор лечил и тех, кого сами немцы лечить не хотели. Осенью 1941 года в городскую больницу привезли раненных под Смоленском казаков из РОА, воевавших на стороне немцев, — их лечением занимался Лихтенштейн. Когда один из казаков, несмотря на проделанную операцию, умер, оккупационные власти не пожелали хоронить русского с воинскими почестями на немецком военном кладбище. По приказу коменданта города, под присмотром солдат вермахта, казак Степан Степанов был похоронен без гроба работниками больницы С.А.Граничным, А.Г.Самусиком и Л.А.Колосовым на находящемся рядом с больницей польском военном кладбище (ныне не существует). При захоронении власти обязали присутствовать врача Лихтенштейна.

Одно время и доктор, и его ассистентка ходили на работу без всякого сопровождения. Только иногда возле дома вертелся полицей, наблюдая за их жилищем. Но с середины октября велось почти ежедневное наблюдение. По дороге в больницу или в хирургическое отделение — а это весьма короткий путь в несколько десятков метров — за доктором на некотором расстоянии следовал полицейский. Он

Когда в сентябре 1939 года в результате гитлеровской агрессии польское государство перестало существовать, когда 17 сентября 1939 года Красная Армия вступила на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, в Лондоне было организовано польское эмигрантское правительство. Оно отдало приказ 13 октября 1939 года о создании конспиративной организации Союз вооруженной борьбы (СВБ) (Zwiazek walczyki zbrojnej — Związek Walki Zbrojnej — ZWZ) на территории бывшей Польши. С 14 февраля 1942 года эта тайная организация стала называться Армия Крайова (АК). Рассекреченные сегодня архивные документы свидетельствуют, что звенья организации СВБ в 1939-1941 годах были созданы и действовали в Бресте, Гродно, Столине, Пинске, Лунинце, Слониме, Лиде и в других больших и малых городах Западной Белоруссии. И действовали активно, устраивая поджоги, взрывы, теракты. Многие ячейки, но далеко не все, были разгромлены органами НКВД в 1940-1941 годах. В период немецкой оккупации члены СВБ-АК включились в борьбу против оккупантов, правда, отдельно от советских партизан, к которым относились почти враждебно.

В 1939-1941 годах в Лунинце также была создана подпольная группа СВБ. О действиях в это время ничего не известно, но много фактов о ее деятельности в годы немецкой оккупации.

В 1991 году в Польше была издана книга польского историка Чеслава Голуба из Старгарда-Щетинского — "Полесский округ СВБ-АК в 1939-1944 годах. Очерк действий", где имеются некоторые сведения о Лунинце. Но они не дали ответа на многие вопросы. Я их задал автору книги. В своем ответном письме Ч.Голуб написал:

"На Ваш вопрос о диверсии на переходном мосту через железнодорожные пути могу сообщить, что мина была подложена диверсионно-разведывательной группой, руководил которой поручик Врублевский, работавший на железной дороге".

Во время взрыва на железнодорожном мосту погиб высокий немецкий чин из строительной организации Тодта. Поручик Врублевский служил в 3-м батальоне 84-го пехотного полка Полесских стрелков, расквартированном в Лунинце до 1939 года. Расстрелян немцами в 1943 году. Был похоронен на католическом кладбище в Лунинце. На рубеже 40-50-х годов его вдова, луничанка Анна Давыдчик, перевезла прах своего мужа в Польшу.

Далее Ч.Голуб пишет: *"В больнице во время оккупации работали Владислав Чаёв — заместитель коменданта Лунинецкого округа АК, псевдоним — "Марианна", а так же начальная связи округа Владислава Михальская (псевдоним "Сам")"*.

Автор сообщает и некоторые сведения о лунинецком ксендзе, расстрелянном немцами в 1943 году: *"Лунинецкий ксендз Фабиан Почобут-Одла-*

Участок земельный участок площадью более 1645 м² совладельцы участка Зиновики, родственники которых и сегодня живут в Лунинце) на ул.Широкопесковой и построил большой дом, который стоит на ул.Красной и поныне — напротив ЗАГСа. Это, видимо, единственный дом в городе, на котором остались следы войны. Одна из стен дома каменная. Недалеко от нее разорвалась авиабомба, верхняя часть стены была разрушена, после войны восстановлена, вся стена в щербинах от осколков, как в оспинах.

В Чаёв был не только кадровым военным, но и любителем садоводства и цветоводства. На клумбах его двора, особенно перед домом, росли диковинные цветы, каких не было ни у кого в городе. А у калитки росли необычная ель и кусты махровой, "персидской", сирени. С другой стороны дома тоже росло необыкновенное дерево — единственное в городе. Во время цветения оно покрывалось темно-красными цветами, напоминающими большие петушиные гребни. Говорили, что это укусное дерево. В послевоенные годы при расширении улицы дерево долго не решались спилить. Поговаривали, что о нем сообщали даже в Минск в Академию наук и Ботанический сад. Но там не заинтересовались уникальным растением и работники горкомхоза спилили его.

Во время оккупации В.Чаёв работал огородником в городской больнице. Там же работали: завхозом — Тышарский, бывший служащий городского финансового управления, а в 1939-1941 годах — сторож "Заготсено", медсестрой — жительница Залесья Бандацкая.

В своем письме Ч.Голуб пишет, что история организации еще не выяснена до конца и после долгих поисков ему удалось выйти на людей, которые смогут что-то прояснить в этой истории. Возможно, со временем узнаем новые факты.

Вернемся в октябрь 1941 года, в оккупированный Лунинец. Видимо, сегодня вряд ли удастся выяснить, кто отдал распоряжение о спасении доктора Лихтенштейна и почему именно его. Ведь в гетто было много достойных людей, специалистов. Однако выбор пал на варшавского врача. Группа СВБ начала готовиться к операции по выводу доктора за пределы города.

В годы оккупации мой отец работал в городской больнице кладовщиком. Он не был членом польской организации. Но был знаком с В.Чаёвым еще с довоенных лет (ведь жили на одной улице) и хорошо знал Тышарского, т.к. в 1937-1939 годах работал в городском магистрате курьером и часто бывал в финансовом управлении. Видимо, это и склонило членов группы СВБ обратиться за помощью к Л.А.Колосову. Когда подготовка была закончена, когда кем-то был утвержден маршрут бегства — все

шло по многим лунинецких дворах были сооружены погреба, которые имели что-то вроде небольшого чердачка.

Утром следующего дня всем, кто готовил побег, Бандацкая сообщила, что он не удался, но Лихтенштейны живы и спрятаны. В тот же день в кладовую больницы к Колосову пришел Тышарский и попросил продуктов для "пана доктора", рассказав при этом о неудавшемся побеге. Убитую медсестру опознали, в больницу нагрянуло СД (тайная полиция), начались расспросы, допросы, поиски доктора. Члены группы проявляли большую осторожность, бдительность, боялись провала. Конечно же, доктора не нашли и вскоре наезды людей из СД в больницу прекратились.

Около 12 дней доктора с женой прятались по чердакам и погребам. Один раз он скрывался в больничном морге, даже в самом здании хирургии (это здание сохранилось), на складе.

А члены тайной организации готовили новый побег. На этот раз решено было выйти из города в другом месте и продолжить путь на подводе. Куда? Об этом, видимо, знали только те, кто организовывал побег. Исполнителями были те же работники больницы. Лошадью с повозкой предоставил некто Макс. Он был главным лунинецким лесником, жил в большом доме по ул. 17 Сентября (ныне это угол улиц Пинская и 17 Сентября, напротив телеграфа), который сгорел во время пожара в 1944 году после бомбардировки города советской авиацией. Макс развезжал по городу в шикарном экипаже, носил форму немецких лесников. Был он фольксдойчем (было такое определение во время войны для людей, имеющих близких родственников-немцев. Фольксдойчи пользовались большими привилегиями и доверяем оккупационных властей).

И вновь члены польской подпольной организации обратились за помощью к Колосову. Поздней ночью Чаёв и женщина из больницы (фамилия неизвестна) с большой осторожностью дворами (ведь рядом было охраняемое полицией гетто) привели супругов Лихтенштейнов во двор нашего дома. В небольшом садике, укрытом от улицы кустами ореха и акации, Лихтенштейн передал большую чемодан с хирургическими инструментами и небольшой пакет с лекарствами и попросил все это сохранить. Потом снял руки часы и подарил их отцу в знак благодарности за участие в его спасении (эти небольшие швейцарские часы после войны долгое время носил я. Они исправны и сегодня).

(Заканчиваю на 4-й стар).

ТАЙНА ДОКТОРА ЛИХТЕНШТЕЙНА

(Заканчэне.

Пачатак на 2-й стар.).

Готовя побег, члены группы просили Колосова приготовить немного продуктов. Сумка (крупка, мука, сахар и др., а также сливочное масло) была передана доктору. После короткого отдыха отец повел супругов через наш огород на Фабричную улицу. В те годы между улицами Широкой (Красной) и Фабричной не было никаких других улиц и строений, а только огороды и сажалки (пруды). Группа благополучно перешла улицу и направилась в сторону минского железнодорожного пути, где у переезда (ул. Полевая) Лихтенштейнов должна была ждать повозка с проводником из лесничества Макса. Подойдя к железнодорожной насыпи и оставив в кустах доктора с женой, отец пошел к переезду. Но там не было ни повозки, ни проводника. Поставя некоторое время в волнении, не зная, что предпринять, он увидел, что со стороны леса к нему движутся две фигуры, на плече у одного из идущих он заметил винтовку. Волнения оказались напрасны. Из темноты к Колосову подошел полицейский с Бохонова (кажется, его фамилия была Сержан) и возница-лесник (то ли Вилюсок, то ли Виселюк). Оказывается, они вынуждены были уйти с места встречи, т.к. по железнодорожному пути проезжала ручная дрезина с груп-

пой немецких солдат. Лихтенштейны были усажены в повозку и после прощания повозка скрылась в ночи, увозя доктора в неизвестность. Через несколько дней Чай и Тышарский, зайдя в кладовую больницы, поблагодарили Колосова за оказанную помощь и сказали, что "доктор благополучно прибыл на место". Это было единственное известие о судьбе доктора после описываемых событий. Но, спустя некоторое время, он сам напомнил о себе.

В феврале-марте или в конце 1942 года у ворот нашего двора остановились сани. Лошадь была покрыта изморозью, вошедший в дом возница в больших валенках, подшитых резиной, в самодельном кожухе и мохнатой бараньей шапке, также был весь облеплен снегом. Войдя в дом, возница перекрестился на икону, затем спросил, здесь ли проживает такой-то. Получив утвердительный ответ, он снял валенок и из портянки достал клочок бумаги. Все дальнейшее я уже видел и слышал сквозь щелку в закрытой двери из комнаты, куда родители отправили меня и маленькую сестру. Эту тайну нам не положено было знать. Отец долго читал записку, о чем-то шепотом говорил с возницей. И тут приехавший достал из торбы ярко-красную эмалированную кастрюльку с черными ручками. Увидев ее, я вспомнил, что в этой кастрюльке было сливочное масло для доктора Лихтенштейна, и понял, что этот человек приехал от него. А окончательно

убедился в этом, когда увидел, как отец передал приехавшему хранившиеся у нас пакет и сумку доктора. Разговор в доме во время оккупации об этом эпизоде не было. Мы просто боялись об этом говорить. Спустя много лет, уже после войны, я спросил у родителей о б этой записке. Доктор просил передать подателю записки сумку с инструментами, лекарства и бинт, немного продуктов, сообщал, что жив-здоров, находится в безопасности, благодарил за оказанную помощь, надеялся на встречу, чтобы сказать слова благодарности участникам его спасения лично. Записка некоторое время хранилась в доме, но в 1945 году была уничтожена.

Люди, которые во время оккупации вместе спасали от смерти человека, в послевоенные годы сторонились друг друга. Во время одной случайной встречи на базаре отец спросил у Бандэцкой о Лихтенштейне. Та успешно ответила, что то ли в конце 1943, то ли в начале 1944 года доктор заболел в лесу тифом и умер. Жена его, как только была освобождена Варшава, уехала в Польшу, как и все участники операции по спасению доктора. Уехали вместе с отступающими немецкими войсками полицейский и лесничий Макс. Не объявлялся и работник лесничества — возница.

Еще учась в школе, я пытался что-то выяснить о докторе. Но на все свои вопросы ответа я не получал. В том числе и от партизан. После войны в

нашем доме жил лунинецкий подполщик и партизан Николай Жук (впоследствии известный машинист локомотивного депо). Выслушав мой рассказ, он посоветовал "забыть и не лезть в это дело". Тогда я наивно полагал, что на территории Лунинецчины действовали только партизаны (хотя среди жителей города ходили слухи о каких-то "других партизанах"), считал, что дело доктора, взрыв на железнодорожном мосту, уничтожение эшелона с авиабензином под Ловчей в мае 1942 года и ряд других случаев, для которых нет объяснений, в силу каких-то причин попросту забыты. Но проходили годы и никто в многочисленных документальных изданиях не вспоминал об этих случаях военной истории нашего края. И только в 60-80-х годах из польской мемуарной литературы узнал о действиях СВБ-АК на территории Полесья. В книгах Ц.Хлебовского "Репортаж из тех дней", Гражины Липинской "Если забуду о них..." и других Лунинецчина и Лунинец упоминаются несколько раз. Но о лунинецкой группе СВБ-АК в них ничего не сказано. Не дала ответа и книга белорусского историка Е.Семашко "Армия Краёва на Беларуси".

Неужели одна из страниц военной истории нашего города так и не будет прочитана?

Л.КОЛОСОВ.